

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

КОШМАРЫ

ИГУМНОВ Д.А

Денис ИГУМНОВ

Кошмарин. Сборник рассказов

«Автор»

2015

Игумнов Д. А.

Кошмарин. Сборник рассказов / Д. А. Игумнов — «Автор», 2015

Книга рассказов, объединённых темой запредельного голодного ужаса, ждущего читателей в каждой новой истории сборника. Герои рассказов экспериментируют со своим сознанием и телом, превращая их в разрушительный инструмент препарирования нашей повседневной действительности. Они хотят от жизни большего и получают большее, платя за свои непомерные амбиции сполна собственной кровью. За героями рассказов, дерзнувшими бросить вызов самой тьме, начинают охоту вампиры, гости из параллельных миров, чёрные колдуны, демоны, и наконец их настигают собственные кошмарные фантазии. На жизненном пути, который они избрали, смерть становится наградой и наилучшим выходом из ловушки, куда персонажи историй с недюжинным упорством загоняют сами себя. Содержит нецензурную брань.

© Игумнов Д. А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Цвет его глаз	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Денис Игумнов

Кошмарин. Сборник рассказов

Цвет его глаз

Большой двухэтажный каменный особняк, за высокой железной оградой, окружал запущенный яблоневый сад. Высокая трава вперемешку с обильным количеством сорняков придавала ему вид дикий и, особенно по вечерам, немного таинственный. Сад охраняли. В траве то и дело мелькали широкие спины сторожевых собак породы ротвейлер. Эти свирепые звери-слуги никогда не лаяли и не скулили, отчего производили впечатление воплощённой в кости и мясо опасности. В такой сад никому из соседских детишек даже в голову не приходило проникнуть, перелезть через забор и полакомиться щедрым урожаем. С такими милыми обитателями сада неизвестно, кто и кем будет закусывать.

На дворе стоял октябрь, точнее – его пасмурная середина. Сам дом возвышался над соседями мрачной крепостью, сложенной из тёмного кирпича. Окна больше походили на бойницы, их всегда, даже днём, плотно закрывали ставнями. Можно было предположить, что дом пустует, если бы не звуки регулярно подъезжающих к нему по ночам машин. Ну и, опять же, собаки. Хозяева особняка явно предпочитали вести ночной образ жизни. Только изредка днём жители посёлка могли наблюдать одного из его жильцов, по виду настоящего спортсмена качка, когда он выходил во двор кормить собак. Иногда качок возился с мусором или совсем уж нечестно уезжал на породистом авто по своим делам. Второго хозяина встречали ещё реже и только после наступления темноты.

Сегодня пятница и после того, как улицу посёлка осветили искусственным оранжевым светом фонари, прошло ещё пару часов до того момента, как в доме открылась дверь, и на крыльцо вышел высокий человек, одетый в длинный кожаный плащ. При большом желании любопытный житель посёлка мог бы рассмотреть (но любопытных что-то останавливало, никому не хотелось вглядываться в хозяев дома), что высокий одет с особым изыском. Тёмно-синий, очень дорогой итальянский костюм и чёрные, начищенные, сверкающие зеркальным блеском ботинки. Чёрная шёлковая рубашка контрастировала с дразнящим приличия языком яркого алого галстука. На его левом запястье отсвечивали золотом родные дорожные швейцарские часы. Бледное, почти белое лицо элегантно одетого мужчины носило отпечаток благородства, а тонкие аристократические черты, вкупе с высоким лбом, могли принадлежать только человеку из высшего общества, возможно имевшему ветвистую родословную настоящего дворянина, уходящую корнями в глубокую благородную седину истории аристократического рода. Его волосы смолистого чёрного цвета аккуратно зачёсаны назад. А белок чёрных мерцающих глаз покрывала сеточка красных капилляров, говорящих либо о хронической бессоннице, либо о любви к запретным удовольствиям ночи.

На безымянном пальце правой руки, под стать цвету глаз хозяина, сверкал зелёной искрой изумруд. При желании рассмотреть мужчину благородной внешности вблизи, возникали сложности с точностью определения его возраста. Ему могло быть и двадцать пять и сорок.

Повернув направо, хозяин особняка пошёл по асфальтированной дорожке к притаившемуся в тени старых яблонь гаражу. Там он, вытащив из кармана плаща маленький пульт, открыл при его помощи ворота. В гараже его ждал породистый железный скакун. Сев за руль, мужчина в плаще включил фары и вывел чудо заокеанской техники на свет. Это был спортивный Шевроле Камаро последней модели. Цвет: угольно-чёрный и вызывающая красная полоса по центру кузова – настоящий мускул-кар.

Густо взревев, машина, тигром выпрыгнув из гаража, подскочила к ажурным железным воротам. Ещё одно нажатие кнопки на пульте сделало путь для прирученного водителем механического монстра свободным. Ворота отъехали в сторону. Рванув по переулку, автомобиль выехал на шоссе и, быстро виляя кормой, влился в поток проезжающих машин.

Хозяину Камаро сегодняшнюю ночь хотелось раскрасить в праздничные цвета, превалировал бы в которых красный, поэтому в конце пути его ждал ночной клуб. Ехать из посёлка, находящегося в Одинцовском районе, до места, где царили похоть и разврат, было совсем недолго. Искомый клуб на сегодня – «Мёртвая Голова». Недавно открывшийся шедевр постапокалиптики в районе Парка Победы, возносящий хвалу ужасу и смерти, уже приобрёл статус легенды среди завсегдатаев подобных заведений и недаром пользовался славой культового места. Его посещали и местные бандиты, и поэты, любители тяжёлой музыки и размалёванные в прирождённые шлюшки тусовщицы, художники и золотая молодёжь.

Особо популярным местом притяжения для завсегдатаев клуба считался бар. В нём легко напивались до состояния «креветки» – при том за смешные для ночных клубов Москвы деньги. Меню пестрело доступными блюдами ординарных закусок эконома класса вперемешку с такими деликатесами, как суп из акульих плавников, запечённые в тандыре гигантские крабы, бифштексы из крокодила, пельмени с начинкой из медвежатины с красным диким луком. Здесь при желании многие расслаблялись под простую водочку с соленьями, заплатив за это не больше тысячи рублей, или другие страдающие от неизлечимой болезни пафоса могли оставить зарплату менеджера среднего звена за год, если, конечно, у них появлялось желание побаловать желудок различными иноземными деликатесами.

Наркотики и стимуляторы купить в «Мёртвой голове» тоже не составляло хлопот. Полиция до нового клуба пока не добралась. Что характерно, тусовки обходилось почти без драк: давала знать о себе богемная атмосфера и большое количество обученной, злобной, но хорошо воспитанной охраны.

Наш герой с внешностью графа викторианской эпохи посещал это заведение уже не в первый раз. Ему здесь нравилась атмосфера элитарности закрытого клуба и одновременно доступности борделя с демократичными ценами. Практически с каждым посетителем можно завести знакомство, поговорить по душам – отказа не будет. Выбор девушек, готовых на приключения, был богатым, а они сами соблазнительными и молодыми. Чужаки, не соответствующие здешней атмосфере и неписанным стандартам клуба, здесь надолго не задерживались.

Подъезжая к клубу, каждый ещё издали мог видеть впечатляющее воображение дизайнерское оформление клуба. Над масштабными дверями, обитыми хромированными листами клепаного железа, более похожими на ворота, прямо из фасада здания вырастал огромный череп с перекрещенными костями. Глазницы черепа светились рубиновым огнём. По бокам от адамовой головы торчали закопчёнными клыками газовые горелки, периодически с громким шипением выбрасывающие в звёздное небо шарообразные протуберанцы жёлтого тягучего пламени.

Удачно припарковавшись перед самым входом, гость из пригорода, не торопясь, вышел из своего Камаро. Надо отметить, что этого субъекта по жизни сопровождал успех. Он мог смело подписываться значением своего первого имени – «победитель», – ведь от рождения он именовался Виктором. Купив в кассе входной билет, Виктор, гордо вздёргнув голову, прошествовал мимо многочисленной охраны, минуя тяжёлые двери, в клуб. Охранники его уже узнавали, а с фейс-контролем у Виктора, с его-то презентабельной внешностью, никогда неприятностей не возникало. Пройдя в гардероб, он сдал свой плащ и отправился на танцпол.

Близился час ночи и посетителей запустили в главную залу клуба. Перед залой шёл широкий коридор – предбанник. В нём проходили передержку клиенты, которые не хотели тратить деньги в ресторане, прежде чем попасть в сам клуб. Двери центрального зала открывались ровно в полночь. Дизайн помещения предбанника требует отдельного описания. На его

стенах, с обеих сторон, от начала до конца, в три ряда снизу доверху, висели круглые стальные крышки, напоминавшие торцевые части торпедных аппаратов. Исключительным отличием этих люков от деталей вооружения подводных лодок стали прямоугольные окошки, закрытые толстыми смотровыми стеклами, врезанными по центру каждой такой крышки. Такие штуки выглядели имитацией печей для кремации человеческих останков. В каждое подобное окошко вмонтировали экран и, начиная с одиннадцати вечера, когда собирались в предбаннике гости, на нём демонстрировались записи кремации трупов. Настоящие ли показывали записи или постановочные для гостей клуба – оставалось загадкой, оберегаемой персоналом – главной тайной заведения. После пяти утра изображения экранов гасли, и окошки, до наступления новой ночи, освечивали огнями мерцающих углей.

Коридор предбанника упирался в створки дверей, схожих с входными. Их охраняли две скорбных фигуры в рясах, выточенные из настоящего чёрного гранита. Их лица скрывали капюшоны и закрывали ладонями поднятые в скорби руки. Через распахивающиеся в полночный час двери посетитель попадал в царство могучих звуков и мрачных красок. Здесь, как будто подчёркивая особый статус заведения, полностью отсутствовали зеркала. И в приютившихся в углах зала двух баров зеркал тоже не наблюдалось. Полутьма, царившая там, просверливалась острым миганием ламп лютой цветомузыки. Овальный зал окружала анфилада колон, помещённых на возвышенность низких пьедесталов. Между колоннами стояли малахитового цвета гостевые столики и удобные, красного цвета кожаные диваны. При желании размяться, достигнув определённого настроения, посетители спускались по пяти пологим ступеням, ведущим от этих столиков на танцпол.

На противоположной стороне овала зала стояла круглая сцена, предназначенная для выступления приглашённых групп. Чуть выше, на её приступке оборудовали место для диджея. И над всем этим висела огромная кукла младенца с иголкой и ниткой в руке, подрагивающая и словно зашивающая свой перечёркнутый зигзагами швов рот. Огромные чёрные матовые зрачки младенчика заставляли вспомнить о запрещённых веществах, принимаемых некоторыми безответственными матерями в период беременности. Вся его обнажённая фигура покачивалась в такт звучащего танцевального, бьющего электрическим током, ритма. Пол танцпола состоял из шестигранных блоков, желтовато-прозрачная поверхность которых слабо светилась. Внутри них застыли в причудливых ракурсах объёмные изображения лиц, искажённых болью; эмбрионы; демонические маски. И по всему этому многообразию ужаса лихо отплясывая топала толпа, купающейся в экстазе, молодёжи.

Окинув взглядом входящий в раж танцевального угара танцпол, Виктор прошёл прямо к правой барной стойке. Правый бар соседствовал со сценой – с одной стороны, – и с крайними колоннами анфилады – с другой. Присев на высокий стул, Виктор заказал глубинную бомбу – пятьдесят грамм неразбавленного, зелёного, ледяного абсента в закопчённой голубоватым инеем хрустальной рюмке. Опрокинул стопку и выпил обжигающую холодом семидесятиградусную пахучую спиртовую настойку полыни, отдающую чётким послевкусием аниса. Солидно так осмотрелся по сторонам и заметил сидящих через три стула от него двух симпатичных девушек. Видел он этих красоток здесь в первый раз – за это он мог поручиться. Виктор мог гордиться феноменальной памятью – особенно на женские лица. Увидев кого-либо краем глаза всего на секунду, он запоминал лицо навсегда.

Да, симпатичные девушки явно пришли в этот клуб в первый раз. Об этом говорила и их типичная для других клубов плотно облегающая точёные фигурки одежда и выражения их смазливых, не отягощённых излишними философскими размышлениями о бренности всего сущего лиц. Для них «Мертвая Голова» казалась через-чур эстетским заведением. Им бы чего-то попроще подавай, не такого мрачного, чтобы увереннее себя чувствовать, танцуя и прыгая. Но всё равно девушки с любопытством осматривались, обсуждая обстановку и посетителей. Успев выпить по два фирменных коктейля – «Смерть Миледи» (водка и вишнёвый сок) и

Мёртвая Голова (чёрный ром и энергетическая кола), девушки ждали соответствующего внимания со стороны местной гвардии кавалеров. Обе девушки возрастом не старше двадцати. Ближайшая к Виктору милочка выглядела моложе, наверное, из-за своей короткой стрижки под мальчика. Светлый цвет её волос, хорошо гармонировал с нежным золотистым цветом загорелой кожи. Маленький, слегка вздёрнутый носик и пухлые губки. Миниатюрная, сероглазая и очень подвижная. Фигура спортивная, подтянутая. Животик плоский. Прямо через белую футболку с изображением какой-то голливудской знаменитости прорезались стоячие, второго размера груди. Лифчика она не носила. Ну и как соблазнительная приманка – белые джинсы туго обтягивали её маленькую попку.

Вторая девушка, исполненная неги, выделялась среди прочих представительниц слабого пола её возраста рано для её возраста приобретёнными плавными движениями томной кошки. Её чёрные волнистые волосы заканчивались чуть ниже плеч. Глаза удивляли своей величиной. Большие, загадочно карие, они сулили неземные удовольствия понравившемуся ей мужчине. Нос прямой, идеально очерченный рот, кукольный подбородок. Она носила обтягивающее короткое платье красного цвета, которое удачно подчёркивало её крепкие сексуальные ноги и среднего размера упругие сферы груди.

Оценив обстановку, недолго думая, Виктор пошёл на штурм. Подойдя к парочке подружек со стороны брюнетки, он произнёс:

– Доброго времени суток красавицы. Вижу, вы одни скучаете. Не возражаете, если я вам, как самым симпатичным девушкам этого клуба, составлю компанию?

– Попробуйте, – вежливо, но с явным холодком в голосе ответила брюнетка.

– Разрешите, я вас угощу на ваш выбор? Что бы вы сегодня хотели попробовать? Коктейль или, может быть, вы хотели бы продегустировать замечательную выдержанную текилу, продающуюся только в этом клубе? Во всей Москве нигде такой не найдёте. Гарантирую.

– Можно коктейль, – ответила, слегка оттаявшая под страстным взглядом незнакомца, брюнетка.

Блондинка оказалась смелее и спросила:

– А что это за текила?

Виктор открыл винную карту и указал на самую дорогую здесь текилу, которая, естественно, не была такой уж эксклюзивной, как по неписанным правилам игры во флирт он её представил. Обозначенная в карте пятизначная цена оказала обычное своё гипнотическое воздействие и девушка, кивнув, сказала:

– Можно попробовать, только не много, одну порцию, – оборотительно улыбнувшись, проворковала она.

– Договорились. Прошу у вас прощения, я, очарованный вашей неземной красотой, забыл представиться. Меня зовут Виктор. А как звучат ваши ангельские имена?

– Марина, – представилась блондиночка.

– Оля, – вслед за подругой сказала брюнетка.

Виктор подозвал бармена, и, чтобы убить сразу двух зайцев, показать свою щедрость и свои деньги, заказал целую бутылку текилы и самый дорогой коктейль из всех представленных в винной карте. Расплатился сразу. Достал сделанный из крокодиловой кожи толстый лопатник и, выудив из него три пятизначных купюры, без сожаления отдал их бармену. Предложив дамам переместиться из бара за столик, проводил их к ближайшему свободному. Усаживаясь, Марина, показывая пальцем на бутылку текилы, сказала:

– Зачем так много, Виктор? Я хотела только попробовать.

– Конечно, но размениваться по мелочам не привык. Пускай лучше останется, чем не хватит. Кстати, девочки, вы знаете, как пьют текилу в Мексике?

– Нет, расскажите, – попросила Оля.

– Для этого нам понадобится лайм и соль. – Забалтывая юных девиц, Виктор успел подзвать жестом руки официанта и заказать нужные ингредиенты. – И кстати, милые девушки, давайте перейдём на ты. И за это будет мой первый тост.

Принесли лайм, соль и ещё один напиток – самбуку и отдельно к ней зёрна кофе на стеклянном дымчатом блюде. Оля сначала удивилась, а затем дала себя уговорить, разделить сей экзотический, как ей представлялось, напиток со своей подругой. Официант заученными движениями поджёг в бокале напиток. Дав ему слегка погореть, специальной крышечкой со вставленной в неё соломинкой потушил. Оля, вдохнув в себя ароматные пары алкоголя, сделала один глоток и, поморщившись, закусила душистым поджаренным кофейным зерном. За ней точно такую же манипуляцию проделала и Марина. Девушки остались таким коктейлем вполне довольны. Поинтересовавшись об их ощущениях, через короткое время Виктор вернулся к своему прерванному, появлением самбуки, тосту. Разлив текилу по специальным длинным цилиндрикам-стопкам он стал учить девушек её пить.

– Для начала насыпаем немного соли на тыльную сторону ладони, – зачерпнув маленькой ложечкой соль, он насыпал её на промежуток кожи между большим и средним пальцем. – Вот так. Затем берём рюмку и залпом выпиваем, – подтверждая слова делом, он ловко опрокинул стопку себе в рот. – Тут же слизываем с руки соль и сразу заедаем долькой лайма. А теперь пробуйте вы.

Девочки зажмурились и выпили, проделав все манипуляции в правильном порядке – слизнули соль и закусили пахучим кисленьким лаймом. Заметно повеселев после возлияний, девушки расслабились. Завязался обычный в таких случаях лёгкий разговор с шутками и анекдотами. Подруги оказались москвичками, студентками второго курса педагогического института. Так за шутками и прибаутками всем миром и уговорили целую бутылку текилы, да и ещё жажнули по одному коктейлю вдогонку. Взгляд темных глаз Виктора обладал гипнотической силой. Видя, что текила совместно с коктейлями сделали своё дело, он перешёл к главному, задуманному. Смотря Марине прямо в зрачки, заглядывая через них ей прямо в душу, он сказал:

– Предлагаю поехать из клуба ко мне в гости. У меня найдётся кое-что получше здешней текилы. В этом клубе становится слишком шумно для полноценного общения. – Действительно, громкость музыки росла по экспоненте. Как раз в этот момент на сцене выступала альтернативная московская группа «Пентаграмма». Резкий звук гитар, мрачный отголосок синтезатора и истеричный вокал солиста оказался страшно далёк от музыкальных пристрастий девушек.

– Виктор, ты хороший, но одна к тебе в гости я не поеду, – сказала, замотав пьяненькой стриженной головой, Марина.

– Да что вы, лапоники, я вас обоих приглашаю. Ехать до моего дома каких-нибудь несерьёзных десять минут. Когда скажете, развезу по домам, можете не беспокоиться. Ок?

Девушки переглянулись. Поддавшись обаянию обходительного молодого человека, они согласились. Втроём, провожаемые звуками бухающих бомбами барабанов, покинули клуб, оставив полахать хмельное веселье без их участия. Вышли на улицу и невольное сожаление по поводу раннего ухода из клуба сменило радостное удивление от увиденной ими машины Виктора. Марина села на заднее сиденье, Ольга – вперёд. Вставив ключ в скважину зажигания, Виктор, повернув его, оживил автомобиль. Зажегшаяся подсветка приборов осветила синим погребальным свечением лица шофёра и пассажиров. Резко стартовав, спортивный кар принялся со всем усердием своих двухсот пятидесяти лошадиных сил рассекать темноту светом ярко сияющих галогеновых фар. Девочки, разомлев от алкоголя, откровенно ловили удовольствие от быстрой, плавно – что важно! – езды.

– Красавицы, пока мы едем, есть возможность взбодриться. Вы как, не против?

– Давай, мы не против, – окончательно раскрепостившись, расхрабрившись от выпитого и расслабленная харизмой Виктора, ответила за себя и подругу Оля.

Виктор достал из бардачка прозрачный пакетик с красно-белыми пилюлями.

– Дамы, принимаем по одной штучке. Мариночка, посмотри, там в сумке холодильнике есть чем запить.

Покопавшись у себя в ногах, Марина открыла крышку холодильника и достала оттуда покрытую инеем бутылку виски «Блэк Лейбл». Студентки уже настолько опьянели, что употребление таблеток с алкоголем их ничуть не смутило. Да и само содержание таблеток девушек уже не интересовало. Сейчас с таким же успехом их, при желании, Виктор мог накормить цианистым калием. А между тем в этих ярких капсулах содержался популярный модифицированный амфетамин – экстази.

Запрещённое вещество подействовало быстро, придав девушкам бодрости, а их глазам блеска. Продолжая поездку, они стали распивать холодное виски. В кабине Камарро царила непринуждённая атмосфера пьяного веселья и доверительного общения. В воздухе постепенно сгушалось сексуальное вожделение. Так, веселясь, незаметно выехали за город. Свернули с главной трассы на дорогу в посёлок. Ещё две минуты и подъехали к воротам. Здесь Ольге, после очередного знатного глотка виски, стало плохо, её замутило. Машина затормозила. Ольга, не твёрдо ступая на своих каблуках, отошла немного в сторону, так чтобы выйти из света её фар. Наклонилась. Её стошнило.

– Я пойду, посмотрю, как она, – забеспокоившись, сказала Марина, обращаясь к Виктору.

Через минуту подруги, держась за руки, вернулись в машину. Ольга чувствовала себя вполне сносно. Оставаясь пьяной, она широко улыбнулась и снова потянула руки к бутылке.

– Просто немного укачало от быстрой езды, – проговорила она и сделала очередной глоток крепкого напитка.

– Бывает. Прости, я всегда так езжу. Сейчас зайдём в дом, сделаю тебе крепкий кофе.

Припарковавшись около крыльца, все вместе зашли в особняк Виктора. Студентки впервые в своей жизни оказались в таком шикарном месте. Весь первый этаж занимала одна единственная комната, которую освещала хрустальная люстра невероятных размеров. На дубовом паркете лежали в художественном беспорядке шкуры разных хищных зверей. Ещё девушки увидели встроенный в стену настоящий камин. С потолка свисал зеркальный дискотечный шар. Рядом с камином, находясь чуть впереди него, начиналась лестница шириной два с половиной метра, ведущая на второй этаж.

Вся роскошная мебель, – исключительно из красного дерева, – была сделана под старину и обита настоящей кожей. В середине стоял великолепный кожаный диван огромного размера, перед которым возвышался экран новейшей модели телевизора с двухметровой, вогнутой в сторону зрителя диагональю. В тумбе, под телевизором, обнаруживала себя миганием разноцветных индикаторов мегаватная, мощнейшая аудиосистема. Динамики системы, разбросанные по всей комнате, создавали ощущение отличного объёмного звучания любой композиции. Слева, в промежутке между оконными проёмами, пристроилась стойка домашнего бара.

Предложив девушкам присаживаться на диван, Виктор, пройдя к бару, сделал им пару лёгких коктейлей. Включил музыку. Раздалась медленная, чуть мрачная, обволакивающая романтичными сумерками сознание, мелодия. Она звучала успокаивающе и вызывала томление души, снимая запреты и открывая тайны. Манила и звала за собой губительной сладостью завораживающих звуков.

Девушки пришли в полный восторг. Алкоголь, наркотики и музыка сделали своё дело. Виктор подошёл к Ольге и галантно пригласил её на медленный танец. Легко кружа её по комнате, интимно придерживая за талию и нежно сжимая левую ладонь в своей руке, хозяин дома пристально смотрел девушке в её огромные глаза и что-то непрерывно говорил завораживающим медовым баритоном. После завершения композиции, Виктор, приобняв свою спутницу за

плечи, увёл её на второй этаж. Оставшись одна, Марина с ногами забралась на диван. Обвила руками колени и с неожиданно набежавшей грустью стала внимательно слушать следующую, более печальную, чем первая, мелодию.

По прошествии пятнадцати минут, Виктор спустился обратно. Он по-прежнему так и не снял свой элегантный костюм. Настоящий джентльмен, который знает, что нужно настоящей леди. Подойдя к Марине, он проговорил:

– Мариночка, твоя подруга успела соскучиться по тебе. И просит присоединиться к ней наверху. Ты надеюсь рада этому? – Выдержав паузу, он дождался, когда кивок её головы выразил согласие гостьи. – Ну, тогда пошли к Оле, – промолвил он, подавая ей руку и помогая оторваться от подушек спинки мягкого дивана.

Поднявшись на второй этаж, они оказались в тёмно-зелёном коридоре, пол которого устилал ворсистый ковёр цвета осенних листьев. Не слышно ступая по нему, прошли по коридору до поворота, затем повернули налево. С обеих сторон коридора в стенах шли двери. Цвет дверей приятного вишнёвого оттенка радовал глаз.

Виктор подвёл Марину ко второй, по счёту от поворота, правой двери. Сильной рукой провёл по её гибкой шее и одновременно, нажав на золотую дверную ручку другой рукой, открыл дверь. Свет в комнате оказался выключен. Виктор ласково подтолкнул девушку вперёд. Щелкнул выключатель.

Сначала Марина ничего не поняла, в мозгу разрозненные куски представшего перед ней зрелища никак не могли сложиться в полноценную картину восприятия произошедшего в этой комнате. Когда же до неё дошло – она громко всхлипнула, поднеся руки к бешено забившемуся сердцу. Всю комнату заливала кровь её подруги. Оля лежала абсолютно голая на разобранной кровати в неестественно вывернутой позе сломанной игрушки. На её шее зиял чёрно-красной смертельной улыбкой запекшийся от крови, поперечный порез. Все белые простыни и наволочки намокли бордовым, почти чёрным человеческим соком. Бежевые обои в изголовье кровати пестрели яркими брызгами с густыми подтёками. Большие Глаза Ольги в смерти делались просто огромными. В них отражалось удивление. Ещё не успев покрыться смертельной мутой, они по-прежнему блестели жизнью.

Девушка попыталась сделать шаг назад и натолкнулась на холодные ладони, легшие ей на горло лапами чугунной тяжести памятника. Её крепко сжали, и к спине вплотную прижался своею жесткой угловатой грудной клеткой убийца. В воздухе появился удушливый запах мясной мухи, выросшей до размеров взрослого человека. Ледяные пальцы нащупали девичий подбородок и задрали его в потолок. Её взгляд заметался испуганной птицей по комнате и споткнулся о синюю замыленную поверхность старого зеркала. То, что вначале она приняла за окно, теперь отражало жуткое по своей невозможности отражение. Она видела себя вытянувшейся в струнку, стоявшей на цыпочках, а её руки парили на расстоянии десяти сантиметров от собственного горла. Больше за её спиной, сбоку или спереди никого видно не было. Не успела Марина осознать несуразность происходившего в зеркале, как болезненной стрелой пронзило её левую сторону шеи.

Виктор, пользуясь своими, как по волшебству, заострившимися зубами, словно пилой сделал несколько надпилов кожи, добираясь до сочного молодого мяса. Широко раскрыв рот, он прильнул губами к раскुरоченной ране и стал, захлёбываясь, с голодной жадностью, причмокивая и брызгаясь, сглатывать тёплую кровь. Боль, мучавшая девушку в начале укуса, как-то сразу отступила, утихла. Ей стало хорошо и даже по сексуальному приятно, глаза закрывались сами собой. На этих накатывающих волнах ложной безопасности, испытывая усыпляющее смертельное удовольствие, она опустилась в темноту. Отпущенное ей время на земле истекло.

Вампир бросил высосанное до капли тело на другое такое же безвольно лежащее на кровати женское туловище, уже успевшее окоченеть в когтях смертельной судороги. Весь его доро-

гой костюм был заляпан уже тогда, когда он спускался за Мариной. Только применяя гипноз, он скрывал до времени пятна от своей второй на сегодняшнюю ночь жертвы.

Из шкафа Виктор достал рулон целлофановой плёнки, отрезал портняжными ножницами от него два больших куска (свои прочные, как сталь, ногти, острые как бритва, он приберегал для более благородных дел). Завернул в плёнку трупы. Снял с себя всю грязную одежду, с презрением отбросив окровавленные вещи в угол. Взяв сразу оба тела себе на плечи, как был в чём мать родила, так и понёс их на первый этаж. Там, подойдя к камину, нажал на панель невидимой пружины. Камин плавно отъехал в сторону. За ним открылся ведущий в подвал прямоугольный провал, по форме совпадающий с дверным. Открытая массивная сейфовая дверь, нависающая над провалом, показывала ровные зубы серых бетонных ступеней, образующих спуск в тёмную неизвестность подвала.

Включив освещение лестницы, Виктор начал спускаться. Сам он в свете, как таковом, не нуждался (видел в темноте он лучше кошки), просто вампиру нравилось электрическое освещение его подземной спальни, он находил в нём по-своему что-то романтическое и для него недоступное, потерянное навсегда, имитирующее смертельный для него солнечный свет. Оказавшись под домом в обширном помещении, вампир направился к его середине. В центре подвала стоял стол. Подойдя к светившемуся хромовым покрытием хирургическому столу, он возложил на него мёртвых девушек. Швейцарские часы на запястье Виктора показывали пять утра. Вампиру пора укладываться спать. Свет в подвале погас.

Утром, покинув свою спальню, с третьего на второй этаж дома спустился второй его обитатель – молодой человек тридцати лет от роду. Он отличался от большинства современных городских жителей плотно сбитой, накаченной фигурой бодибилдера-профессионала. Из-под облегающей мускулистое тело футболки, из её коротких рукавов на всеобщее обозрение были выставлены зверски накаченные руки культуриста мирового уровня. Рост – метр девяносто. Вес – сто сорок кило чистого филе агрессивного мяса.

Вырастающую из мощной груди бычьей шеей мужчины венчала голова с квадратным лицом военного наёмника, безжалостного к крикам о пощаде и мольбам о помощи. Плотные сжатые губы рта, короткий прямой нос с широкой медвежьей переносицей. Серые глаза защищали массивные надбровные дуги неандертальца. Прическа – армейский американский ёжик.

Ночью этот воин, свирепый сторожевой пёс, наперсник Виктора, обычно спал, если, конечно, не имел особого приказа хозяина. Прошлая ночь не стала исключением. Толстые стены и звуконепроницаемая дверь его спальни обеспечивали ему спокойный беспробудный сон. Так что криков, музыки и прочего шума вечеринок хозяина он никогда не слышал. А сейчас, как, впрочем, почти каждое утро ему предстояло заняться самым неприятным для него делом – уборкой. Но сначала следовало позавтракать, а затем уже убрать комнату для гостей. Почистить и постирать вчерашнюю, пришедшую в негодность одежду Виктора. Заменить постельное бельё. Подготовить новые вещи для будущей вечерней прогулки хозяина. И самое главное, и паршивое, спуститься в подвал и избавиться от главных уликов прошедшего пира.

Он, как и подобает настоящему мужчине, ни о чём и никогда не жалел в своей жизни. К числу подобных вещей относилось и то решение, которое он принял два года назад. Но для того, чтобы понять, что его подвигло к этому решению надо вернуться во времени на три года в прошлое. Звали его Владимир Пахомов. С самого детства Вова активно занимался различными видами спортивных единоборств. В этом списке значился и бокс, и самбо, и вольная борьба. В школе его обходили стороной и самые буйные хулиганы, которых всегда в учебных учреждениях великой страны хватало с избытком, и просто старшеклассники.

Перед самой армией Пахомов влюбился в качалку. Занимался железом самозабвенно, с упоением, как и всем тем, за что брался в своей жизни. И так отличаясь крупными габаритами,

Владимир, неистово качаясь, быстро вырос до размера профи. Он стал ходить на машину для пробивания стен. Как иногда называли его коллеги по спортзалу – Стенолом.

Отслужив в армии в пограничных войсках, полагавшиеся тогда два года, вернулся домой. Через месяц записался в милицию, в подразделение подмосковного ОМОНа. С девушками у него и в школе, и после всегда был полный порядок. В наследство от бабушки Володя получил квартиру на Проспекте Мира. Зарплата с премиальными устраивала. Ненормированная работа крушить бандитские челюсти и вышибать двери притонов ему откровенно нравилась. Боевая подготовка – тоже. Жизнь представлялась сплошным нескончаемым удовольствием.

Беда, как всегда, пришла внезапно–негаданно. На работе Владимир стал смертельно, до звёздочек перед глазами, уставать, терять вес. За два месяца похудел на двадцать пять килограммов. Обследование показало – рак щитовидной железы. Последняя четвёртая стадия. Ощущение безнадежности прочно прошло насквозь могильной стёжкой его жизнь. Ведя всегда здоровый образ жизни, не куря и не бухая, он спрашивал себя: " За что мне всё это? ", – и, конечно, не получал никакого ответа. С работы пришлось, понятное дело, уволиться. Последний месяц на ней он и так бюллетенил. Да и вообще, в таком ужасном состоянии он вряд ли бы смог выезжать на задания или же просто держать твёрдо в руках автомат.

Лекарства не помогали. Метастазы, будто боясь куда-то опоздать, стремительно поразили один за другим все главные органы организма Пахомова. Владимир всего через месяц после получения результатов анализов стал двуногой ходячей опухолью. Потом, в одну летнюю удушьящую ночь, пришла боль. Это стало началом конца. Как он выяснил у своего лечащего врача, если ранее болезнь протекала без ярко выраженных симптомов, напоминая о себе лишь слабостью, потерей аппетита и веса, то страдать он начнёт только перед самой смертью, за две-три недели до неё – костлявой и беспощадной, слепой старухи.

Пахомова стали преследовать навязчивые мысли, водворившиеся в его голове вместе с невыносимой мукой. Каждую секунду своего бытия он терпел физическую боль и мытарства духа. Что стало для него более выматывающим – страдания тела или болезнь души, – он сказать не мог. Да и никто бы на его месте не смог.

Вес тела стремительно продолжал падать. Родственников у Пахомова не осталось. Поэтому возражений против пребывания в хосписе у него не нашлось. Там хотя бы за тобой присмотрят и за обезболивающими бегать не придётся. Ближайший хоспис находился неподалёку от метро Алексеевская. Все свои накопленные за несколько лет службы в органах сбережения он отдал за то, чтобы ему предоставили отдельную палату. Даже ничтожных капель надежды у него не оставалось и в глубине души. Ужас перед скорой могилой и страх перед вечной тьмой на вторую неделю пребывания в палате отступили на второй план перед нарастающей, дёргающей, грызущей, ломающей весь организм болью. Обезболивающие уколы практически перестали помогать. Кому он только не молился, кого он только не призывал. И на фоне страданий Владимир звал настолько отчаянно и громко, что его слышали.

В одну из тягостных, потных ночей начала августа, когда мучение, казалось, добралось до самого костного мозга, к Пахомову пришёл гость. Огромные крылья закрыли свет луны и через открытое окно к нему в палату влетела тень. Сначала он подумал, что, на фоне всё увеличивающихся доз наркотических обезболивающих и сильного желания жить, видит галлюцинацию. Но из тени вышел человек и заговорил с ним. Всё выглядело настолько реально – и жёлтый свет, струящийся из коридора через окно над дверью палаты, и шаркающие шаги ночной медсестры, и кашель других больных за стеной, – что он уверился в действительно-сти происходящего. Даже боль отступила. Он приподнялся, всматриваясь в человека, а когда тот заговорил, стал со всем возможным вниманием, затаив дыхание, слушать произносимые вкрадчивым голосом такие нужные, важные ему слова.

– Жить хочешь? Здоровым быть? Можешь не отвечать, знаю – хочешь. Я предлагаю тебе жизнь. Долгую.

– Я смертельно болен, мне никто уже не поможет.

– Да, если бы я был доктор, то согласился бы с тобой. Но я, наоборот, помогаю смерти. И мне тоже нужен помощник. Ты подходишь. Будь им и не будешь знать ни хворей, ни смерти. Пока живу я и ты будешь жить.

– Что я должен буду делать для вас? Кто вы? – Последний вопрос стоило задать первым, но Владимир так волновался, что правильная последовательность потеряла для него всякий смысл. Он уже поверил, а произносимые им слова походили на церемониальный ритуал.

– А не всё ли равно, если я верну тебе молодость и силу. Уже через три дня ты сможешь уйти отсюда.

– И всё же... чем надо будет заниматься?

– А если скажу: убийствами. Это что-то изменит?

– Вы дьявол?

Губы гостя посетило слабое подобие улыбки. Он сделал шаг вперёд и сказал:

– Нет. Он давно уже не утруждает себя такими предложениями. Ему и так принадлежит весь мир. Ты нужен только мне, Володя... Решай.

– Да, я согласен, на всё согласен, – сглотнув слюну, произнёс Владимир. Услышав своё имя, он окончательно поверил этому странному человеку. Человеку ли?

Гость подошёл к его койке. Положил две ледяных ладони на пышущий жаром лоб Владимира. Только от этого прикосновения Пахомов уже почувствовал великое облегчение. Затем холодные пальцы сильнее вдавились в кожу головы. От них внутрь исхудавшего тела потянулись нити. Володя закрыл глаза и понял, что может их видеть. Нити синего цвета – они несли в его тело такой же холод, какой источали и ладони гостя. Сеанс продолжался не больше пяти минут. Потом ночной посетитель исчез, и Володя почти сразу заснул крепким сном. Такой качественный сон его не посещал вот уже как три с небольшим хвостиком месяца.

На следующий день Пахомов чувствовал себя превосходно. С удовольствием подкрепившись, он на удивление медсестер и докторов отказался от укола обезболивающего. Врачи подумали, что это последний всплеск активности, за которым шагает, гремя костями, старая их знакомая – тетушка смерть, но не тут-то было. Пациент поправлялся буквально на глазах. Через три дня анализы показали полное отсутствие злокачественной болезни в организме Владимира. Свершилось чудо, рак пропал, исчез, полностью самоликвидировался. Доктора хотели придержать такого необычного пациента в больнице, провести миллион дополнительных анализов и найти секрет волшебного выздоровления. У врачей ничего не вышло: Владимир с настойчивостью танка отказался от всего, всех поблагодарил (хотел послать вначале, но передумал) и в приподнятом настроении, почти бегом, покинул этот последний приют для неизлечимо больных, умирающих страшной смертью людей. К этому времени он уже знал, куда идти и к какому времени следует туда явиться.

Заехав на минуту домой, Пахомов собрал большую спортивную сумку разных шмоток. Отправился на вокзал, там взял билет на пригородную электричку и к закату солнца, около одиннадцати вечера, стоял рядом с нужным ему особняком. Железная калитка была приоткрыта, приглашая войти. Зайдя во двор, он обнаружил, что за ним из кустов, деревьев, травы следят десятки горящих жёлтым огнём глаз. Это сторожевые собаки внимательно смотрели на него, не предпринимая никаких враждебных действий. Так под их стерегущими взглядами, как под конвоем, он дошёл до дома, дверь в который тоже оказалась открытой...

Сидя на кухне, Володя с аппетитом ел омлет с ветчиной и шампиньонами, приготовленный им собственноручно из десятка яиц и трёхсот граммов молока. Всё складывалось замечательно. Утро пахло свежестью и дешёвыми духами прошлой ночи. Пора приниматься за работу...

Вадим Шахов (друзья называли Вадима – Ферзь), старший полицейский следователь по особо важным делам, сидел в своём кабинете за столом, заваленным горами служебных бумаг.

Только он в этом бедламе мог безошибочно обнаружить за считанные секунды необходимый ему документ.

Перед следователем лежала картонная папка дела о пропаже четырнадцати девушек. Последние две пропали всего три дня назад. Исчезновения в основном происходили в одном районе и никаких следов, а тем более тел найти пока не удавалось. А между тем, началось это безумие восемнадцать месяцев назад. Число эпизодов могло быть и больше. Предвидя такое наихудшее развитие событий, он доказал необходимость объединения разрозненных дел об исчезновениях молодых девушек в одно. И сделать это следователь смог только десять дней назад. Почему? Да потому, что во-первых – исчезновения происходили в одном районе. Во-вторых – пропадали девушки возрастом до двадцати пяти лет. Ну а в-третьих – двенадцать из них пошли в ночной клуб потанцевать. Клубы-то всё разные, но расположены они были в основном на северо-западе столицы.

Ферзь давно стало понятно, что девушки из нормальных семей просто так в таком количестве бесследно не исчезают. Происходили похожие случаи и в других районах Москвы и Подмосковья, но все они случились несколько раньше и имели ли они отношение к настоящему делу можно было доказать лишь поймав преступника.

Скорее всего проснулся очередной серийный убийца. В своё время Шахов имел опыт по ловле одного из подобных типов. Поэтому сразу насторожился, узнав о первых исчезновениях. Ферзь об этом подумал, когда ему самому дали расследовать подобный случай. Мужик он въедливый и, начав копать, наткнулся на серию похожих исчезновений. Дела объединили, создали следственную группу, старшим назначали его – подчинив и группу оперативников, что было не то чтобы ново, но точно не по классике правоохранительной отечественной структуре. Три функции свели в одно, получив в качестве пилотного проекта самодостаточную единицу, призванную расследовать самые сложные и запутанные дела серийных убийц. Мобильная группа Шахова имела особые полномочия – вплоть до проведения задержания и допросов с применением спецсредств. Соответственно своему назначению в группу, как на том и настаивал изначально Шахов, входили бывшие военные, служившие либо в десанте, либо других спецподразделениях. И, конечно, все они имели высокий уровень интеллекта. Мозги в мускулистых телах в последнее время всё более входили в моду. Сочетая в себе качества продвинутых следователей и мощь группы захвата, они решали задачи розыска и задержания быстрее и эффективнее, чем обычные оперативники.

По показаниям родных, две последние девушки-подруги, учащиеся вместе в одном институте, в прошедшую пятницу тоже отправились в клуб потанцевать. Ну а клуб этот назывался "Мёртвая Голова". С утра, успев побывать в этом гадюшнике, следователь Шахов вернулся к полудню в контору и ждал, сидя у себя в кабинете, распечатки локации мобильных девушек в ночь их исчезновения.

В клубе никто из обслуживающего персонала не помнил пропавших девушек, что в общем-то не удивительно, учитывая количество народа, каждую ночь развлекающегося в клубе. На просмотренных записях Шаховым с камер слежения, висящих как в самом клубе, так и на стоянке, эти сами девушки несколько раз засветились. Но в клубе они отдыхали в совершенном одиночестве, без кавалеров. А вот на стоянке они сели в какой-то чёрный автомобиль. В какой именно было плохо видно: запись рябила и кривилась, поэтому лицо человека, сидящего за рулём чётко различить не удавалось. Камера запечатлела только машину – вид сзади и лишь правую часть её кузова. Номеров тоже не разобрать. Ракурс неудобный, да и номер заляпан грязью. Ясно одно, иномарка выглядела, как спортивная и, скорее всего, это Камаро.

Записи с камер наблюдения клуба Вадим изъясил и отдал на экспертизу. Может быть, ребята-эксперты сумеют из неё еще что-нибудь полезное выжать. Ферзь чувствовал, что разгадка близка, а чувства подводили его редко. Пока он просматривал, наверное, в сотый раз листы дела, из аналитического отдела пришёл к нему на электронную почту файл обработан-

ной распечатки перемещения мобильных девушек в соответствии с временем. Вадим открыл его с сильно бьющимся сердцем – предвкушая и надеясь. На карте города нанесли пунктиром путь перемещения мобильных с точками, соответствующими определённым местам и времени его нахождения в пространстве. Путь обоих сотовых заканчивался в пяти километрах от МКАДА, в посёлке городского типа неподалеку от Одинцова.

Никому не сказав об удаче, Вадим решил сегодня же съездить в посёлок, где мобильники пропавших девушек исчезли из сети. Ему прежде самому хотелось убедиться в правильности направления розыска, а уж потом он мог проинформировать своих подчинённых и начальство о полученных результатах. Шахов всегда так поступал, брал инициативу в свои руки. За это его могли бы не любить, если бы и всю ответственность, включая и ответственность за промахи своих сотрудников, он тоже не брал на себя. Но начальство, естественно, всё равно оставалось недовольным работой его группы. По этому поводу Вадим не переживал, главное – преступники ловились и раскрываемость у него оставалась лучшей среди всех отделов. Он любил свою работу и испытывал внутреннее удовольствие от того, что приносил реальную пользу обществу, людям, некоторые из которых были не достойны и плевать в их сторону.

Остальные члены следственной группы Ферзя, пока он собирался на разведку, сегодня опрашивали друзей и коллег ранее пропавших девушек.

Выехал Вадим, направившись в район Одинцово, через час. На своей Тойоте Королла доехал до посёлка за сорок минут. В первую очередь нужно, осмотревшись (он решил походить по домам), пообщаться с людьми. Начал с крайнего, деревянного дома. Путь к дому преграждала покосившаяся калитка, покрытая голубой облупившейся во многих местах краской, прижёванная к такому же кривому забору, бывшему когда-то зеленого цвета, а теперь поражённому проказой безжалостного времени. Открыв её, он, войдя во двор, прошёл к дому. Поднявшись по почерневшему скрипучему, источающему влагу гнилому крыльцу, очутился под жестяным навесом прямо напротив двери, обитой толстым слоем войлока и обтянутой чёрным дерматином. Нажал на звонок. Раздался дребезжащий звук ржавого колокольчика. Через минуту дверь открылась. На пороге, сверля исподлобья маленькими пороссячими глазами, выросла из полутьмы неосвещённого помещения толстая тётка в застиранном до дыр халате с поблекшими цветочками неопределённого цвета.

– Здравствуйте, – сказал Шахов и показал служебное удостоверение. – У меня к вам будет пару вопросов, если это вас не затруднит, конечно.

Тётка смотрела на удостоверение и молчала, слегка наклонив голову в сторону. Поняв, что ответа не дожидаться, Шахов продолжил:

– Меня интересует видели ли вы в посёлке спортивный автомобиль чёрного цвета, иностранной марки, – сказал и тут же сообразил: откуда же такой тётке знать про какие-то там автомобили спортивные, к тому же такой редкой, в наших краях, модели, что её не все мужчины-то знают. И добавил: – Знаете, такая заметная иномарка быстрая, тонированная.

– Есть такая, – криво усмехнувшись, сказала тётка.

У Шахова сердце от радости затаилось, а потом пустилось в галоп. Внутренне напрягшись, он спросил:

– Подскажите, как к вам могу обращаться?

– Нина Ильинична меня зовут.

– Очень приятно. Меня – Вадим Шахов. Следователь прокуратуры по особо важным делам. Вы, конечно же, понимаете, что мой визит к вам должен остаться в тайне. Отсюда мой следующий вопрос: владелец машины житель посёлка или в гости к кому приезжает?

– Кто к кому в гости приезжает, я не отслеживаю. А живёт или бывает этот самый владелец в большом каменном доме, последнем по счёту на соседней улице, не знаю. Там ещё один обитается. Его чаще вижу, амбал здоровый. А первого ни разу не видала. Машина только по ночам ревет под окнами, шмыгает туда-сюда.

– Благодарю, Нина Ильинична. Случайно не знаете, дома они сейчас?

– Не знаю.

– Ну, извините. До свидания.

Шахов сошёл с лестницы и пошёл к калитке. До тех пор, пока он не вышел на улицу, им явственно ощущалось спиной давление внимательных глаз угрюмой хозяйки деревянного домика, пристально и, видимо, не мигая, следящих за ним.

– Иди, иди. За своей судьбой идёшь, охотник, – шёпотом проговорила тётка, когда он закрыл за собой калитку, и перекрестилась.

Выйдя на улицу, Вадим прошёл ещё два дома, смотрящихся приличнее первого, более ухоженными, но такими же древними. Завернул в переулок и по нему вышел на соседнюю улицу. Повернул налево и издалека угадал искомый дом. На этой улице жили люди явно побогаче. Большинство домов каменные и двухэтажные. Но и среди них последний дом на улице выделялся своими размерами и мрачной величавостью.

Подойдя к кованным железным воротам, открывающимся, по-видимому, автоматически, Вадим Шахов обнаружил на правой каменной тумбе ворот переговорное устройство. Нажав на кнопку вызова, услышав звуковой сигнал, как на телефоне, стал ждать ответа. Никто на вызов не откликнулся. Ставни на окнах оставались закрыты. Но Вадиму, почему-то, казалось, что за ним внимательно наблюдает кто-то недобрый. Дом походил на затаившегося в засаде зверя породы псовых. Но главное, он сразу увидел спортивное авто, не загнанное в гараж, а оставленное перед его воротами.

Какое-то время помявшись с ноги на ногу и повторив пару раз вызов, Шахов, вдоволь налюбовавшись запущенным садом и угрюмым выражением глаз-окон дома, собрался возвращаться в Москву. Бросив на прощанье последний взгляд на припаркованный спортивный кар около гаража, Вадим развернулся и уже было пошёл, как в помертвевшей осенней траве рядом с кирпичной тумбой ему почудился блик словно от осколка пивной бутылки тёмного стекла. Обычный человек никогда бы в жизни не обратил на это внимание. Но природное чутьё ищейки, обострённое годами службы в розыске, заставило его приглядеться получше.

Шахов наклонился, раздвинул засохшие травинки в стороны и на своё, как он тогда подумал, счастье, обнаружил женскую пудреницу. Пудреница светло-серебряного цвета, на верхней крышке которой горело разноцветными огоньками изображение лилии, осыпанной стразами. В метре от неё, около стены, обнаружилось пятно подсохшей рвоты. Наверняка девушка потеряла пудреницу тогда, когда её затошнило. Если на предмете женского туалета сохранились отпечатки – это удача. Следовательно всегда с собой носил полиэтиленовый пакет для сбора улики и перчатки. Натянув резиновые тонкие перчатки, он с осторожностью, как выпавшего из гнезда птенчика, поднял пудреницу и положил к себе в пакет. Вот теперь Вадим мог собой гордиться. Убыстряя шаг, он чуть ли не бегом вернулся обратно к своей машине.

Сегодня у Шахова всё получалось. До обеда вернувшись на работу, отдал на экспертизу пудреницу. Попросил, чтобы эксперты поторопились и, отложив все дела, сняли с неё отпечатки. На очередную, закономерную для этого дня удачу у двух последних пропавших девушек оказались ранее уже сняты отпечатки пальцев. Дело в том, что девушки на лето вдвоем устраивались на работу в один салон сотовой связи, который благополучно вскрыли ночью. Приехавшие на следующее утро опера сняли со всех сотрудников салона отпечатки, чтобы отделить их от отпечатков предполагаемых воров. Никого так и не нашли (вскрыли салон, скорее всего, малолетки) зато отпечатки подруг оказались в базе. Шах и мат – неуловимый преступник считай пойман.

Пока шла экспертиза, Ферзь собрал свою группу в составе пяти оперативников и дознавателей в одном флаконе, рассказал о своих находках, провёл инструктаж. Ребята уже привыкли к подобным сумасбродным выходкам шефа, поэтому отнеслись к его поездке за город

спокойно. Горбатого могила исправит. А пока Шахова от возможных неприятностей охранял его личный ангел хранитель. Возможно, сегодня после полудня ангел получит отпуск.

К концу совещания результаты экспертиз были готовы. Отпечатки принадлежали одной из предполагаемых жертв. Получить санкцию на обыск, а значит и возможное задержание подозреваемых лиц, по его результатам, Вадим смог в мгновение ока. Начальству тоже невыносимо надоели эти исчезновения, а ещё того хуже – бесконечные критические статьи в газетах. Журналисты откуда-то пронюхали про эту серию и теперь методично поливали прокуратуру и вообще всё МВД самой вонючей грязью своих язвительных статей. Критики, млять. Начальству начальства это нравилось ещё меньше, и оно рвало и метало, и для непосредственного руководителя Шахова это могло закончиться довольно печально. Поэтому в интересах всех было как можно быстрее закончить дело – лучше прямо сегодня.

Группа Ферзя вооружилась, приделась в бронежилеты, погрузилась в два служебных внедорожника российского производства с форсированными движками, и в приподнятом настроении охотников, едущих за богатой добычей, ожидая скорый счастливый конец этой истории в виде посаженного за решётку маньяка, выехала на задержание.

К дому в посёлке подъехали полицейские, заглушили моторы. Часы на приборной панели показывали тринадцать часов тринадцать минут. Все вместе, вшестером, подошли к воротам. Напрасно они жали на вызов, трели звонка не пробудили жизнь дома. Посоветовавшись, оперативники решили вскрывать ворота. На такой случай в багажнике одной из машин они припасли гидравлические кусачки.

Ворота открывались автоматически с помощью электрических моторов, приводящих створки ворот в движение. Двое оперативников – Петр и Василий, самые здоровые в составе группы – поднесли кусачки поближе к воротам. Вес кусачек составлял сорок килограммов. Решили надкусить петли на одной створке и освободить себе путь и автомобилю. Размер одной створки позволял проехать в проём их внедорожнику. Вообще-то они могли просто перемахнуть через забор, но учитывая возможное задержание преступника, его следовало сразу усадить в автомобиль, а не тащить закованного в наручники обратно через забор.

С громким щелчком кусачки сомкнулись сначала на одной петле, легко перекусив её, затем проделав тоже действие и с тем же успехом со второй. Четверо остальных поддерживали створку, чтобы она раньше времени не грохнулась. Когда створка отделилась от стоек, оперативники осторожно отнесли её в сторону. Вместе с исчезновением препятствия открылся путь к двери дома. Парни приготовили оружие (бронежилеты они натянули ещё в офисе). Пройдя по выложенной коричневой плиткой дорожке примерно до половины её длины, всем стало заметно не по себе. Как будто северный ветер, ледяным порывом проникая внутрь тел, начал беспокоить их души.

Из высокой травы на оперов с разных сторон, окружая их, ускоряясь по мере приближения к людям, стали наплывать черно-коричневые пятна широких собачьих спин. У ребят оставалось совсем немного времени на реакцию. Одна за другой собаки породы ротвейлер вылетали из-под поверхности осенних вялых нечёсанных зарослей неухоженного сада, словно куски ожившего гранита. Двигались они молча и быстро. Их молчаливые целенаправленные действия вселяли крайний ужас в закалённые службой сердца оперативников, успевших многое повидать на своём веку. Такая атака для них стала неприятной неожиданностью, только двое из них, включая Шахова, смогли среагировать адекватно.

Восемь собак и всего шесть стволов. Собаки врезались в группу. Одновременно с ударами собачьих лап, морд, лбов о тела оперативников, зазвучали торопливые выстрелы из пистолетов. Началась возня, двоих ротвейлеров подстрелили первыми же выстрелами, когда они находились в прыжке, паря в воздухе, и псы горячий, потной дохлятиной упали на землю. Остальные шесть успели крепко вцепиться в незащитные человеческие руки, ноги и кожаные

куртки. Собаки, запустив зубы, круто крутили своими лобастыми башками, пытались вывернуть, оторвать людские конечности от их суставов.

Шахов и оперативник Сергей Мальцев подходили к собакам вплотную и, пока псы занимались тем, что с глухой яростью продвигались к шеям своих жертв, приставляли вплотную к их вздымающимся грудинам, лохматым затылкам вороненные дула своих стволов, методично их уничтожая. Василию повезло меньше других, на него напали сразу три пса. Он закрывал своё горло, как мог, но его рубашка и свитер быстро набухали кровью. До смертельной развязки оставались секунды. Один из псов укусил его за ладонь, прикрывавшую горло, и оттягивал её вниз. Здесь здоровяк Василий, чувствуя надвигающуюся вечную тьму, не выдержал и закричал:

– Помогите!!! А А А А А!!! Уберите их от меня!

На счастье, к этому времени остальных собак удалось прикончить. И все впятером освободившиеся оперативники, подгоняемые адреналином, кинулись на выручку Васе. Сами покусанные, окровавленные, теперь уже более злые, чем испуганные, они в два счёта покончили с тремя последними ненормально агрессивными псынами. Василия подняли на ноги. Два пальца – мизинец и безымянный оказались перекушены и болтались на лоскутках рваной кожи. Бедра и предплечья были измочалены и изрядно исходили кровью. У остальных бойцов повреждения выглядели не так устрашающе – у двоих укусы рук, у ещё одного – прокушена мягкая часть икры.

– Так. Василия отведите в машину, – приказал Вадим. – Сергей, проводишь его, окажешь первую помощь и вызови скорую. И знаешь что, давай-ка пригласи сюда спецназ. Чувствую, нас ждут ещё сюрпризы. Остальные раненные тоже идите перевяжитесь и скорее возвращайтесь назад, сегодня будут нужны все. У меня желание повидать хозяина этого сарая растёт пропорционально с трудностью это сделать.

Шахов остался во дворе один среди свежих, пузырящихся луж ещё тёплой крови и трупов верных, сторожевых животных. Надо псам отдать должное, они честно выполняли свой долг, ценой жизни пытаясь защитить имущество своих хозяев. Вадим стоял, наблюдая за тёмным домом и ощущал, как кто-то оттуда наблюдает за ним. Нет, ни одна занавеска не дрогнула, ни раздалось ни стука, ни скрипа. И всё же чувство, что тебя рассматривают, не проходило.

Из-за плотных серых туч первый раз за этот день выглянуло солнце. В парадокс этому стало гораздо холоднее, и зубы Шахова непроизвольно выдали очередь стуков. Наверное, сказывался запоздалый шок. Он умел себя контролировать в таких экстремальных ситуациях и смог подавить в себе нарождающуюся дрожь. Солнечный свет придал ему сил и сделал спокойнее. Вскоре подошли перевязанные и хмурые товарищи. Теперь все они в руках держали оружие. Второй раз врасплох им оказаться вовсе не хотелось.

– Двое останутся здесь и будут наблюдать за домом. Остальные пойдут со мной к двери, – приказал Шахов.

Оставшиеся наблюдать оперативники, в дополнение к табельным пистолетам Гюрза, вооружались короткими автоматами, только недавно поступившими на вооружение. Назывались они – «Волна». Лёгкие автоматы с магазином на пятьдесят патронов роторного типа. Их скорострельность доходила до девятистот выстрелов в минуту. Главное, автоматы доказали свою сверхнадёжность и удобство в обращении. С их помощью успешно подавлялось любое активное сопротивление. Теперь во всех оперативно-следственных группах нового типа по штату полагалось иметь двух автоматчиков прикрытия. После нововведения в структуру МВД самостоятельных групп расследования и захвата, потери личного состава оперативников снизились в два раза.

Четверо бойцов подошли к величественной, выпирающей наружу железной шишкой, масштабной входной двери особняка. Трое встали по обеим сторонам от двери: один – справа, два – слева. Полотно двери покрывали выпуклые изображения ночных хищников и незнакомых никому из бойцов замысловатых оккультных символов. Прямо посередине полотна двери

крепилось чугунное лицо гомерически улыбающегося чёрта. Через его длинный нос пропустили железное кольцо с утолщением на его нижней части. Кольцо служило для привлечения хозяев дома своим громким стуком, производимым от ударного воздействия металла об металл. Шахов сжал кольцо в руке и три раза ударил им о нижнюю губу чёрта. На третьем ударе над их головой оглушительно загрохотало. Все четверо оперов бросились животами на ступени.

В раздавшихся звуках безошибочно угадывалась работа крупнокалиберных пулемётов. Мгновенное падение людей около двери объяснялось рефлексом, лично им никакой опасности не грозило. А вот для ребят их прикрывавших эти раскатистые звуки, похожие на кашляющий дробящийся хохот, вынесли приговор и привели его в исполнение. Из открывшейся ниши в стене над дверью выехавшие два толстых спаренных ствола прямой наводкой били шарами огня по операм. Автоматчиков прикрытия прошивало насквозь и пули пробивающие бронежилеты и тела вздымали тучи осколков плитки и комков земли позади них. Пророкотав всего несколько секунд пулемёты заткнулись, размочаленные оперативники, потеряв опору из огненных стрел разящих их пуль, осели на дорожку. Наступила напряжённая тишина. Шахов встал первый, осторожно придерживаясь стены дома. Достал телефон и связался с начальством.

– Товарищ полковник, мы подверглись нападению. Двое убитых. Надо предупредить выехавших к нам на подмогу спецназовцев. Против нас применили оружие крупного калибра, – плотнее прижав трубку к уху, он внимательно слушал ответ полковника. Затем, после минутного промежутка, коротко произнес: – Есть.

Нажав на отбой, посмотрел на уже поднявшихся на ноги своих ребят и зло, сквозь зубы, просипел:

– Они мне ответят за наших. – Кивнув в направлении стены дома, продолжил: – Эти суки сами напросились. Спецназ будет здесь через пять минут. Живыми уродов брать у меня желания нет. Я думаю – и вы возражать не будете, а уж спецназовцы и подавно. Теперь двигаемся в направлении гаража и не высываемся, пока спецназ не приедет. По стенке, по стеночке вперёд.

Вскоре приехали два автобуса с подкреплением. Связались с ними, обрисовали обстановку, выработали совместный план действий. Решили группу усилить, поэтому ещё через тридцать минут, свернув на бок оставшуюся половину ворот, прямо во двор выехал приданный спецназу БТР. Начался штурм.

Дом имел окна только в фасадной части, повёрнутой к воротам и улице. По обе стороны от двери во двор глядели два довольно больших окна, да и на втором этаже также бойцы видели два окна, только размером поменьше. Тыльная сторона дома и его боковые стены оказались цельными, сплошными и без каких-либо окон, окошек, вентиляционных отверстий. Атаку пришлось вести прямо в лоб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.